

85-100 P12751-1

Очередное заседание Киевского общества Русского Музыкантского Общества состоится в понедельник, 8 декабря, в 7½ час. веч. в зале Реалистического Просветительного Общества (Б. Житомирская, 9). На обсуждение общества предлагается следующие вопросы: 1) участие в торжествах, по случаю открытия в Петербурге памятника Императору Александру III, 2) празднование 100-летия со дня рождения Н. В. Гоголя, 3) как относиться к статье «Нового Времени» «о революционных спорах». К-2 00—

ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Музыкальное Общество. В воскресенье, 7 декабря, в 1 часть дня, в зале Купеческого Соборного третьего утра камерной музыки.

Непозитив: В. В. Пухлякский—фортепиано и квартет Муз. Общ. Программа посвящена исключительно сочинениям Бетховена: Квартет С-молл, ор. 18, № 4, Соната А-дур для фортеп. и пиано, и Трио В-дур, ор. 97, № 6, для фортеп., скрипки и виолончели. Билеты от 25 коп. до 1 руб. у кассирера Муз. Общ. Л. Иванковская от 10 до 3 и от 6 до 8 час. веч. К-2 20—

Владимирского Киевского кадетского корпуса

преосвященным Иеронимом, епископом Каневским, будет отслужена Божественная литургия, а по окончании ее—молебен по случаю 57-й годовщины основания корпуса.

На литургии и молебне приглашаются бывшие воспитанники и служившие в корпусе. Форма одежды—парадная. *2-318308—

Киев, 5-го декабря 1908 г.

Признаюсь, с большим интересом прочитал мы статью газеты «Dz. Kijowski», посвященную характеристике того положения, которое заняли поляки в Государственной Думе. Хорошо известно, что наша польская газета является органом национально-демократической польской партии, имеющей в нашем край широкое распространение среди культурного польского общества. Не менее хорошо известна та роль, которую «Dz. Kijowski» играл во время выборов в Государственную Думу, стараясь по той бы то не стало привлечь симпатии местного польского общества к «опозиции», называвшейся ли эта «опозиция» только «кадетами», или же она была откровенно левее кадетов. Поляки отдали свои голоса «опозиции» при выборах в первую и вторую Думы, и если не распорядились ими так-же само при выборах в третью Думу, то лишь потому, что в губернии у них голосов не оказалось. За то в г. Киев И. В. Лучинский был не только кадетским и социалистическим кандидатом, но и кандидатом польским. Никакой реальной польской польке от Лучинского, радикального украинского кадетско-еврейского исповедания, и быть не могло, и тем не менее польские голоса были отданы за Лучинского, потому что Лучинский шел не под русским, а интернациональным знаменем. Местные польские влиятельные лица, и не обращая внимания на то, что «саубой» этой он создает для себя больше, чем двусмысленное положение в русском обществе. Как же теперь смотреть на эту статью? Как на свое недавнее прошлое? Как теперь расценивать свою недавнюю дружбу и своих недавних друзей? Будем отвечать на эти вопросы словами самой польской газеты. «Мы, говорит она, привлекли к сикопфантам из стаи Суворина и нас не забывают сами несправедливые обвинения «России» и «Русского Знамени» и даже произведения Циолковского научились мы читать без жели, но голоса радикальной печати

оставляют в нас послать себя неприятный привкус. Причиной этого является прежде всего характер обвинения. В то время, как реакционные газеты ограничиваются несправедливыми обвинениями нас в государственной неблагонадежности, газеты радикальные стремятся сдвинуть ненавистный русскому обществу самую суть существа нашего и его стремления. Такого рода обвинения могут быть еще и потому, что забывают нас, забывают, что мы, друзья на свой аршин, мы готовы были выдти в представлении русской «опозиции» сдвиги той правдивой высоты, которую придает людям и партиям борьба за свободу. Нам все казалось, что в рядах их живет дух Чернышевского и Герцена, тогда как в действительности в них живет дух Бибера, дух анонимной газетической банды, приписывающей «пародиям» проекты погромов из Царства Польского и сообщая о «погроме русин» в Львов. Поход этот является уже несколько лет и творца его могут с гордостью сказать себе, что за это время они успели вылить на поляков больше грязи, нежели все реакционные газеты с 1863 года. Польская газета резко отзывается о «кадетях» и еще резче о «левых» осях». Об этих последних она говорит: «В настоящее время забавной представляется сама мысль о каком-либо союзе с крайней левой. Прихватив у Запада брошюры-социалистическую идеологию, оно не сумело выработать себе неоправданно политического такта и на парламентарном поприще производить такое же экзотическое впечатление, как и Пуришквич с его товарищами».

Так говорят органы местной польской национально-демократической партии и этот язык мы понимаем. Мы можем скорбеть о том, что гражданское мужество появилось у поляков только теперь. Мы можем скорбеть о том, что только теперь поляки поняли истинную сущность нашего, с позволения сказать, радикализма. Печально, что поаполбили годы для того, чтобы поляки увидели ясно, как эти господа, изловчившиеся в корнемом ремесле своих предков, торгуют теперь радикализмом расивно и на вынос, и что для них первостепенно важны здесь не идеи, а барыши, важна личная выгода, в чем бы она не выражалась. Однако, лучше поздно, чем никогда, и мы по этому не можем не приветствовать отменного выше рязкого поворота в польской политической мысли. На-днях, касаясь вопроса об отношениях польского парламентарного клуба к русскому большинству, мы указали уже на то, что вопрос о формальности создала нас не имеет никакого значения. Лучше, если правда, что никакого договора нет, так как всякий договор недолго уверенное польских газет, что польское русское представительство отныне, не сходясь ни с кем, будет держаться политики «свободных рук». Для нас важно не то, будут ли поляки всегда голосовать за благообразную часть Думы, а то, что она не всегда будет голосовать за левых. Новейшая открытая политика поляков имеет, по нашему мнению, огромное значение в том отношении, что она открывает возможность сближения между русскими и поляками на почве, полагаясь, одинаково дорогого им общего блага. Когда начнется это сближение, в каких формах оно выльется—предвидеть это теперь еще трудно, но для него есть почва, раз по-

ляки открыто порвали с врагами русской государственной идеи, с врагами русского народа. Важно то, что русские в настоящее время не соединяют больше польского имени с именами ненавистных своих врагов, не мшают их с наиболее непримиримыми политическими партиями. Если, даже при таком положении дла, до «примирения» еще может быть очень и очень далеко, то до общности действий может быть и близко. Искренне желаем не ошибиться в этом, как для общего дла, так и для блага самих поляков, а особенно в Западном край.

ЗАМЕТКИ.

ДСХ.

В одной из европейских газет я недавно прочитал такую телеграмму: «В дворянском собрании состоялся баз студенто-академический. Большинство артистов отказалось участвовать в концерте. Шалашинь запросил за свое участие 15,000 руб.»

Еврейско-революционная ренталия передает приведенное известие с таким видом, точно одержана великая победа над великим злом.

Бойкот науки приводит ее в порог.

Учиться теперь, видите-ли, чересчесто, и т. б. кто учиться,—хулагины. Не учиться—это теперь возведено в принцип политической порядочности. Буржуазное значение латинского слова «студент» совершенно забыто!

В Петербурге всадил за университетом возникла организация студенто-академическая и в разных институтах. На пути своем они встретили множество вражды и обструкции и прежде всего—от жареной науки—профессоров. Ярены науки были глубоко возмущены призывом академиков к учению, их «хулагины» лозунгом: академия—только для науки. Началась ожесточенная борьба, толь толь, как в Киевской политехнической республике. Разумеется, все академическое раз навсегда было лишено всяких степеней, пособий и т. д. И вот студенто-академическая организация—технико-логическая и торгово-рыбная устроила концерты с базой, для того, чтобы средства, необходимые для оказания помощи своим нуждающимся товарищам.

И в ответ раздались злобный призыв к бойкоту!—Они говорят, что студенты не должны заниматься политикой! Они хотят учиться! Травите их!

По еврейской команде, большинство артистов поспешно заявили свое «свободничество»: они возмущались тем обстоятельством, что среди студентов есть такие «отсталые» молодые люди, которые хотят учиться, и выражали свой протест тем, что, ссылаясь любезно поощряя участвовать в концерте, потому не пришла на концерты.

Разумеется, артистам до науки нет никакого дла, лишь бы, чтобы подальше от большинства российских артистов сами бы науки никакого касательства никогда не были. И они, разумеется, вовсе не испытывают чувства негодования по поводу того, что напавшие студенты, пожелав учиться, они только притворились негодованию, на угоду еврейской печати и революционной ульи, деспотически поведывавшим ими.

Шалашинь тоже вознегодовал, хотя, впрочем, заявил: если дадите 15,000 руб., буду участвовать. Свое негодование он выразил в 15,000 руб.

Шалашинь—личность очень интересная. Кроме денег, для этого человека, как и для его друга Горького, не существует. Правда, он любит выиграть, но только на чужой счет. Руководящий жалкой напавшей, он говорит: «Мой принцип—беззастенчиво не быть». За выходя от берега берет от 1,600 до 2,000 руб. Ну, а со студенто-академическим не мог быть меньше 15,000 руб. Такому большому «свободничеству», как Шалашинь, позорно быть в «чересчестном» концерте. А вот если бы дали 15,000 руб.,

тогда другое дло: тогда можно было бы выдвигать какой-нибудь другой принцип». В погоню за деньгами Шалашинь не останавливается ни перед какими фокусами режиссуры. Для этого у него существуют секретари и другие агенты. Во время прошлого года поездки его по Америке секретари прали американских газетам (а может быть, прали заказывали за деньги) историю в таком роде:

«Шалашинь и Горький создали русскую революцию и строили московские баррикады, и Мясуну удалось спастись, но Шей добрался до Шалашинь и захватил его в Италию, в Шалашинь был два раза пойман и несколько раз расстрелян. Но он остался жив, благодаря подкупу тюремной стражи, которую он платил своим очаровательным басом. Начавшись стражи подбавил Шалашинь очаровательный вулкан, давая ему возможность бегать по поросному полу, с которым Шалашинь связывает замечательную дружбу».

Что же касается «принципа»—беззастенчиво не быть, то в интересах рекламы и угождения революционной толпе Шалашинь поступает в этим основным и священным для него принципом «саужения искусства».

Весной 1906 года он дал в Киев, в царь Крутикова, концерты, и весь сбор, днаков, отдал местной революционной «рабочей» организации. Когда во время антракта дежурная от «рабочей» революционной поднесла Шалашинь лавровый венок, он пригласил дежурную в уборную и сказал: «Вот рыв, который заканчивался так: «Товарищи! Помните, что о расхолах на оружие нам нечего заботиться: когда придет час, оружие будет! Шалашинь вань говорит: оружие будет!»

Нечего и говорить, что после концерта quasi-рабочие долго поспали Шалашинь на руках.

Свое заявление о том, что «оружие будет», Шалашинь сдвигал очень многозначительно и с большим пафосом. Когда дежурная ушла, один из присутствовавших артистов сказал Шалашинь, полагая:

«И ты ты, бедя, дурака пашаешь! Какие они тебе «товарищи»? Вд ты—«буржуа» в их глазах, и они отчаянно знают, что из своего милого состояния ты им ничего не даешь».

На это Шалашинь только усмехнулся. Не интересовал ли самон дла, что Шалашинь и Горький, будучи типичными припробрателами и припробита, посредством рекламы, мизанции, состоят в рядах социалист-демократов... Социал-демократизм, как одно из средств эксплуатации, ставший тогда и напав,—не правда, они неужна кобидания.

Как социал-демократ, он, разумеется, отказался быть Сушанина, хотя и когда не отказывался получать огромные деньги от конторы Императорских театров. А несколько лет назад он был напавшим русским националистом и с особенным удовольствием изображал Сушанина.

М. О. Меншиков рассказывает, как на днах в Петербурге, в артистическом клубе, по требованию одного еврея, присутствующие илан еврейский гимн «Хаве». Плав «Хаве» и Шалашинь, хотя и несколько лет назад был отчаянным лободобом. По времени войны и дарами «свободы» еврей совершенно запаздывал напав, «общественным мненьем» и т. д.,—и вот Шалашинь подобострастно поет «Хаве».

Разумеется, придуть другия еврея, и Шалашинь запоет совсем другое: он вьд рать узы.

Вобщее положение «святого искусства» в России, понапав на работу занисимость от евреев, необыкновенно грустно: оно отзывается на запятках у революций.

Артисту нужно уметь и нужны деньги. А чтобы иметь то и другое, необходимо угодить «свободителям», необходимо быть в милости у тех, кто фабрикует «общественное мненье».

И хотя революция побеждена, и фонды ее все больше и больше падают, по террор еврейской печати и окружающей ею толпы продолжается с неослабляющей силой.

То, что произошло в Петербурге с

концертом студенто-академическим, то в Киев происходит уже три года и еще в большей степени. Ни один оперный или драматический артист в Киев не за что не согласится участвовать в «чересчестном» концерте и даже в таком совершенно нейтральном концерте, как концерты студенто-академический. Это понакло-бы за собой ожесточенный бойкот.

Когда артисты приглашаются участвовать в концертах, не имеющих «свободительной» окраски, отъезд получается всегда один и тот-же: «По договору с антрепренером мы не имеем права участвовать ни в каких концертах».

Но как только устраивается «свободительный» концерт, договоры куда-то исчезают бесследно, и в таких концертах сь величайшей готовностью участвуют не только артисты, но и антрепренеры.

Вс антрепренеры стремятся доказать свою холосую вьрность «свободительному» движению».

А. Савенко.

Пострапалла печать передает подробности митинга иностранных легионеров в Эйнт-эль-Гаджар, задержавших поезд, направленный из Коломбы-Вешара в Орлеан. Когда поезд около 1 часу ночи приближался к станции Бу-Решид, напавшие зашвырнул на пути красные флаги и застрелил поезда. В ту же минуту по обе стороны поляны иностранные легионеры. Часть их окружала напавшую на locomotive присугу, другие с обжиганными штанами зашли в вагоны. Один из легионеров был отъд в офицерскую форму. Среди путешественников, военных и штатских, распространился паника. Генерал Бизик крикнул бутоншикам, что они желают говорить с их предводителем. Но так как они были отъд в штатское платье, никто не обратил напав на его требование. Поаковнику Буаону, также желавшему видеть предводителя, бутоншики угрожали пистолем и заставили его возвратиться в свое купе. Машину его отъдло приказание ехать обратно, а когда он потребовал письменного предписания, оно было ему выдано за подписью де-Пала, лейтенанта 25 роты 2 полка иностранных легионеров. В 3 часа утра, около Биди лейтенант дал приказание остановиться поезду. Легионеры вышли из вагонов, предводитель скопомовал: «Вперед, марш!» и все они потекли сомкнутыми рядами в юго-восточном направлении. Поезд продолжал прерванное путешествие в Орлеан. Так как все горючий материал был истощен, тоны пришлось жезлободорными шпалами. В получасу поезд прибыл в Орлеан.

Сдвтевое выяснилось, что в воскресенье 30 ноября (13 декабря) легионеры захватили 2 ланка патриотов, перерезали телеграфные проволоки и захватили поаковника Эйнт-эль-Гаджар. Их предводитель упрал полную форму лейтенанта, в которую и парадным. Жандармы энергично преследовали легионеров, из которых многие уже арестованы. Последний заявил, что остальные товарищи в числ 45 человек, ринувшись защищаться до последней капли крови. Предполагается, что легионеры, в большинстве своем ильши, хотья подражать капитану Попенку. Промешествое произвело сильное впечатление на жителей Аджар. Местные легионеры в большинстве случаев рекрут, состоящие на действительной службе не более 3 ильцев. Подожки большому сомнению, то бы им удалось достигнуть марокканской границы, расположенной на расстоянии 175 километров по прямой линии. В этой холодной, лишенной влаги стране легионеры, не знающие с дорогами, попадали на руки туземцев или французских войск. В послдстве случившихся угрозах смертная казнь. Для помощи бунтовщикам принимаются все меры, по которым дано распоряжение набрать пропавших и употребить оружие лишь в случае крайней необходимости. Последняя павтия вл Парижа сообщают, что вей десертны находятся уже в руках французской военной власти. Утомянные и голодные, они без сопротивления дали себя

огражить французской павалерии. Только их предводитель удалось спрятаться в горы. Мотивы их поступка до сих пор не выяснены. Люди, знающие с положением, приписывают его возмущенному состоянию, которое охватывает иногда легионеров и побуждает их совершить необычайные подвиги. Другие утверждают, что на них понакло германское агентство, покровительствующее дезертирам, что руководители их были представители агентств, бывший баварский офицер.

Некоторые органы французской печати рескомандуют правительству упразднить иностранный легион, эту армию напавших и дезертиров, на которую не может положиться страна. Ликвидация этой армии может лишь укрить международный мир.

Автономия Боснии и Герцеговины. Всплеск газеты от 11 декабря сообщают, что в Виль ходит слухи, будто вынатора Франц-Иосифа, по настоянию Берлина и Лондона, ринуть провозгласить Боснию и Герцеговину независимым государством под своим верховенством. По этому же длау «Local Anzeiger» из Парижа сообщают: «Турция соглашается на то, чтобы из Боснии и Герцеговины образовать отдельное самостоятельное государство, под управлением одного из австрийских архиепископов и верховенством императора Австро-Венгрии».

Конфликт между Рузвельтом и американским конгрессом. Как сообщают американские корреспонденты английских газет, между президентом Рузвельтом и конгрессом Соединенных Штатов вновь возник серьезный конфликт. В послднее время своим посланиями президент заявил, что если конгресс в прошлом году ограничил функции агентов тайной полиции, то это было сдвло, «главным образом, потому, что члены его не желали, чтобы агенты могли быть употреблены для рассдвдения дльших членов конгресса». Это заявление естественно, оспорило американских депутатов, которые ринувшись протестовать против подобной сави президента. 10 декабря нов. ст. андери различных партий конгресса на собрании ринувшись, что президенту должно быть высказано открытое порицание за его неуважение заветам. Вашингтонский корреспондент «Times» телеграфировал, что негование конгресса против заявления президента о тайных агентах полиции принапав очень рязкую форму. На собрании павтия 11 декабря нов. ст. была принята резолюция о том, чтобы послание президента было передано для рассдврения в конгрессе из пяти членов. Предложение было введено Перришом, бывшим другом президента, и пришло единогласно. Рль, произнесенная по этому поводу Перришом, и тот притом, которую она встретила в павтии, понапав, как серьезное положение, созданное президентскими посланиями. Перриш, упоминая о своем глубоком уважении к президенту и к павтии, членом которой он состоит, заявил торжественно, что замывания президента, по меньшей мере, были неумышленными, а что инцидент, созданный им, очень серьезный. Павтия покряла слова Перриша ричными аплодисментами. Президент Рузвельт не желает, однако, уступать и заявляет, что в его распоряжении имеется много документов, говорящих против конгресса. Конфликт принимает очень серьезные размеры.

Налет анархистов.

(Корреспонденция «Киевлянина».)

29 ноября сдвирал часть Херсонского уезда, в которой в течение четырех ильцев было произведено шесть серьезных разбойных нападений (при нападении на экономку землевладельца Добровольского были брошены две бомбы), по случаю арестов понаго разбойного нападения сь человеческими жертвами: Ограбление Покровского почтово-телеграфное отделение, причем были убиты дежуривший для охраны отделения стражник и преставил.

Было около 6 часов вечера, когда напавший отделение Ткаченко и поаковник

онь меня уважает, если хоть чуточку, самую маленькую любовь—он сдвывает это дла меня!.. Андрей предлагал ему такую легкую услову... все могло окончиться пустяком... Сейчас же пойдут—дурака Лина, оправдав притесну пред маленьким итапским зеркала... Какой он жестокий—Донаткинский!!

По когда она вошла в столовую, то Бред не было. Она с Галей уже отказалась и обдвываясь в передней. Хоупинг и офицеры его отряда провозвкали их до ажианса, а по ажианс остальных гостей Лина увидела, что скандала не произошло и никто о происшедшей сорб не догадывался.

—Вы меня проводите домой?—спросила она Донаткинского. Он официально улыбнулся, шекинув каблуками и сь какой-то поной, непозволной Лина улыбкой, отыгав:

—Простите, но я прямо отсюда вьд в штаб главного командующего... А отчего же вы не попросили ссауа Бред?—спросила она Бреду.

—Кажется я ничего ему не сдвдала... За что он так?

Сь этими мыслями она вьдала домой, сь ними же легла в постель и все силалась понять: за что Донаткинский так рязко вл ней измывался? Она перебрала в памяти все мельчайшие события этого вечера—и ничего не нашла. Уже засыпая, она вдруг вспомнила, что из полученную гостиную, во время ее сса, кто-то входил. Эта картина чуть было не улетучилась из памяти, заслоненная тогдашним ел состоянием и послдним объяснением Андрея. Лина сдвала вьд постель и протворила вслух:

—Да, да, это он... конечно, это был он!.. Господи, какая и несчастная!—вдруг выразился у нее возглас и, утнувшись в подушку, Лина снова разразилась по-двски.

(Прод. сдвд.)

ПОДЪ ПУЛЯМИ.

Рассказ В. Козлова. (Продолжение *).

VI.

Лина вошла в столовую, остановившись у дверей и медленно обвела глазами шумную компанию. Вокруг Лидии Сергеевны толпились и хохотали. Донаткинский громко рассматривал что то забавное. Гал с исповешью личиком купила ссаула невысокого патного артиллериста и не могла было понять—интересен ли ей этот разговор, или она томится скукой. У противуположного конца стола три генерала и холостяк не громко, но ожесточенно беседовали. Самыяна только характерный напавший китайский деревен и Лина догадалась, что говорит о сражениях.

Ей стало как то непонятно тоскливо и поаудало, что здесь, среди массы оживленных людей, она до сса одинока. Мелькнуло желание позвать Донаткинского и либо сейчас же уехать домой, либо уйти сь ним в одну из уютных комнат в павла, разпазав, как ей случно, как не хорошо на душ.

—Они поймают. Он сунется разогнать это... Он только притворается Мефистофелем, каппив то, а душа у него есть... есть...

Но Донаткинский как бы печально поавернулся в ея сторону и поаотрл такими безразличными равнодушными взглядом прямо в ея лицо, что желание сразу пропало. Виртально, они так смотрелись бы, если бы сдвд была не Лина, а пустое мство.

И Лина пошла одна. За маленькой комнатой, в которой обдвасился Андрей, напавшая другая, такая же полумертвая, освещенная тусклыми китайскими фонариками. Полонный комнаты заплата еса. На ней не было сдвчей и из украшений остались только разноцветные стеклянные бусы и серебристые ленты, да хапавы латы, уже запыленные и переставшие лодить на сдвгы. Лина обвела еку во-

крути. Сдвды, вь углу, стоял диванчик, толь-толь такой же, как в первой гостиной.

—И отлично. Здесь не павдут по крайней мере,—поаула Лина, вьбравшая на диван сь поаия.

От раннего детства у ней до сдх порь осталась привычка вь минуты грусти обнять руками козлы, прижаться к платку шей и так, собравшись в комок, отдаться мыслям. В таком положении она казалась самой сдвй маленькой, слабенькой и беззащитной. Ее легко обидеть, она жалкая и никто за нее не заступится. Становилось еще грустнее, хотелось помечтать о асеп и об участии в сдвсы темп сами, оставшая щемую истому на сдвд.

—Гуляя я, гуляла!—дурака Лина, устанувшись на робкий, митовый споз сдвд и сдвлы вьтти, сьт фонарика. Чего то вьдала сдвда, сдвшла, мерзла. Очень нудна и несчастна ринувшись. Так же вьт рязкую пот, так же без сострадания доктор ивнеть и треть раны... Бому напав дла до моего участия, до моей жаждости. Только сдвчел, под, павпавую институту, напавой дльчепкой. Тут пав до такти, как Наташа. Та не разуна-лась первым, не павчет, но за то, если придется, она круглая сдвта будет рынса вь ринувших ранах, будет что угло-по дьлат—хоть было стирать на мороз.

Когда вь хватало санитарию, она сама вьдала за посылки и вьдвот сь ступени болше двадцати человек вьд вагона ссада. И ничего... Вот мы и вь отряд Миченка вьдла, и куда поакали. Намь случно, мы хатаемся за развешенной, а Наташ она не павима. «Благодаря вас»,—говорит.—Мил вь павить всемо. Не поауду—и нука. Рония, ласковая, прдвтаивалась... А мы рязвь годились на дьлат... Хотим того то обмануть, а павм никто не вьтрит. Гал метается зомуж вьтти за Пину, Лидия Сергеевна уже напавла дла день сдвдбы... И меня сдвчало такой же. Андрей сь предложением вьтеть, толь графа сдвтрить так, что вь краску бросится... Да и Донаткинский то же... все сдвчел... говорит, будто я не вьрссая, а так сьб, гаупенная и ну-

стенькала... Завтра же сдвд и вьтпну павь писью... Все ссажу... Нам еще душно, поауду вь этому генералу, вь командиру корпуса, павпавую товарищу. Пусть сейчас отправляет меня домой. Не хочу! Фангары вьт... Этого графа даже запала. Дурака, вьправу, бдкий, вьтравался, вьдвбав душой... Дурака, вьтревни сдвдм и настоящим сдвдм... А она вьтравалась, то только он расчортить пускал! И вьт «расчортить» пускал... Никто ему не вьтрит—одна я, как вьтотка, вьтравалась бьту и паву... Не хочу болше, доволь!.. Лина и то вьт находим павьт просить, чтобы скорее прьтравала и до сдх порь не хотеть признавать, что это я серьезно. «Не шутя»,—говорит,—моя мила. Поаовалась я вьтете. Прьтравай скорее домой. Там вьт армия тифа и вьтские отапы страшные сдвданы... Ивнпо поаовалась... Никому не павима, ни на что не сдвдалась, ничего не утло... Одна забавлялась...

—Лина! Лина! А—у!.. Гдь ты?.. Сперскал!—раздался вдруг по комнатам вьт Лидии Сергеевны.

—Не ссажу... Пусть потревожатся. Так вьт вьт, поаула Лина и еще болше сдвдалась вьт комок, как бы стараясь сдвдаться совершенно павьт-ной.

—Странно... куда бы ей дьтеть?—сь тревогой произнесла Богдзюлова, вьтрав вьтостую и оставившаяся под фонариком.—Неужели домой утхал?

—Не думаю... Донаткинский здесь,—отытывал Миченский, вьтот, вьтвал за сдвчелой.—Сегодня он вьт какому то особому дьт... вьтх вьтвал, находить сдвдм болшим вьтот. И даже павпавал было, что он вьтосорился сь Линой и вьтмечтал лобу... Может быть она и вьт савот дьт вьт-за этого утхала.

—Ничего подобно! И здесь и прону моего имени не сдвдывать сь господином Донаткинским!—хотела прьтравить Лина, но удержалась.—Пусть вьт говорит, что хотеть,—рившла она вьт ут.

—Очень странно! Почему же она вьт не ссажала, что утхалет... Ничего не поаовало... Надо бы сьтвить на дьт. Тамь доажим знать—утхала она или вьт.

—Вд сь этим напавшим и первым баринским!—добродушно проговорил Миченский.

Потом Лина замьтла, что дьт вьт подь фонариком как то поаотривательно обдвасива и до ней дозвлять такой звук, что она невольно догадалась:

—Цьтуют!.. Фл павия и свирель!.. Сдвж и подгизмалась... А он хорошо ко мьт отпосел... Забавно, особенно Лина... Он саване... А что такое сь Лопаткинский?.. Ах, да!.. Он сь вечера сегодня непозвожт. За столамь прдврался сь Андрей и говорил толь непьт-ности... Непонятной такой... И шутит, не как вьт, а серьезно, сь расчистанной забой...

Линь положение комокот павило и понапавло павобным. Она хотья енова отдаться грустными мыслям, но онь куда то поаел. Газа вьтхала, на душь стало покойно, а когда из столовой донесся вьтот веселого сьтла, то ея поаудало туду. Прьтравилась фигура графа—забав-каль и вьт вьтот, вьт вьтотпавшим утхот, вьт вьтотпавшим вьтот утхот уже не ошутала оскорбленя.

—Может быть это мьт вьтот поаовало?—спросила она сьб и хотья вьтвал сь дивана, но вьт эту минуту поаовалась мия и вьт команту вошла Андрей Бред и Донаткинский.

—Чьт могу сдвжувать?—рязко и отчетливо спросил Донаткинский.

Онь стоял сдвпкой сь сдвж и Лина вьт могла вьтот вьтравления ея лица. За то Андрей, освещенный фонарем, поаовался ей блдким и вьтотпавшим.

—Только что, разговаривая сь моей матерью, мы поаовали сьб сдвжеть вьт вьт глаза... сдвжеть неослаженное ея оскорблене. Мы поаовали чрезвычайное прозрачно павпавую, что мьт вьт занимается чьт-ли не ринувшим сдвчотвением дла нас, ея сдвчелой,—голос Андрей, сд

Типо-Литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, въ Кіевѣ.